

Стихи о Москве

Сборник стихов

Бородино

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте же под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий

Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

Михаил Лермонтов

Вечерняя Москва

1

Здесь прохладно весной и не жарко летом.
Ветерок играет твоим скелетом.
Здесь натянут на дерево мрак капроном.
И ночные бары блестят неоном.

Здесь в любимом мной баре на Белорусской
пьет вино блондинка из рюмки узкой.
Сколько грусти в жемчужном ее оскале!
И как омут — вино у нее в бокале...

Кто-то пиццей хрустит... Даже в этом хрусте
тонкий слух различает оттенок грусти.
И грибы чернеют на круглой пицце,
как на фоне закатного солнца — птицы.

А на улице — ветер. Заводские трубы,
как небритые, посеревшие губы,
мимо белых высоток и солнца мимо
выпускают в пространство колечки дыма...

И усталая женщина стоит в метро.
И мужские пальцы ложатся ей на бедро.
И на лавках, будто цветы им обещаны,
улыбаются, глядя на пару, женщины.

Я б покинул Москву, но прекрасен в сумерках
этот город настолько, что так и умер бы
я на этих бульварах, сухих, обветренных,
где деревья в повязках стоят набедренных.

Где читает друг мне стихи бездарные.
Где качаются в скверах шары фонарные.
Где шумят деревья, и, неприличная,

дразнит мясом жареным нас шашлычная.

И в бильярдной кии стучат по шару.

И закат подобен... ну да, пожару.

2

Не пойму я, к дьяволу, что за смычка?

Что нас вместе держит — любовь, привычка?

Мимолетный запах... Что значит это,

если нет уже самого предмета?

Я не тот, что прежде. И ты другая.

Я созрел, чтоб с другом вино лакая,

обсуждать проблемы его гарема,

и гадать, что сделало с нами время.

Голос мой охрип, стал совсем небросок.

От него остался лишь отголосок.

Монолог героя — стриптиз для бедных.

И, боюсь, не вызовет чувств ответных.

Он звучит негромко (итог бессонниц),

без цветов, оваций (увы, поклонниц),

как в огромном зале, где нету эха,

сам себе — сплошной атрибут успеха.

Не дождавшись финиша, зритель смылся.

Продолжать трагедию нету смысла.

Мрак в душе. И, брезгуя сей палитрой,

монолог повис на губах молитвой.

Ты, как прежде, сдержанна... Дело в такте.

В зачехленной комнате, то есть там, где

ты меня своим не прищечишь веком,

я лежу твоим прошлогодним снегом.

Я — есть прошлое, будущее. Сегодня —

это то, что было со всеми, сотня

или сотни разных моих знакомых

вопиют из глаз моих бестолковых.

Вот он я — стою усмехаясь нервно.
А когда уйду, ты всплакнешь, наверно.
«Он был славный малый», — вздохнув, рассудишь.
И потом меня навсегда забудешь.

Ренат Гильфанов

В метро, Москва

Вот они, в нишах,
бухие, кривые,
в разнообразных чирьях, фингалах, гематомах
(– ничего, уже не больно!):
кто на корточках,
кто верхом на урне,
кто возлежит опершись, как грек на луврской вазе.
Надеются, что невидимы,
что обойдется.

Ну,
братья товарищи!
Как отпраздновали?
Удалось?
Нам тоже.

Ольга Седакова

За Москва-рекой в полуподвале

Две-три ноты в нестройном порядке...

Б.К.

За Москва-рекой в полуподвале

Жил высокого роста блондин.
Мы б его помянули едва ли,
Кабы только не случай один.

Он вставал удивительно поздно.
Кое-как расставался со сном.
Батарея хрипела гриппозно.
Белый день грохотал за окном.

Выпив чашку холодного чаю,
Съев арахиса полную горсть,
Он повязывал шарф, напевая,
Брал с крюка стариковскую трость.

Был он молод. С лохматой собакой
Выходил в переулки Москвы.
Каждый вправе героя гулякой
Окрестить. Так и было, увы.

Раз, когда он осеннею ночью
Интересную книгу читал,
Некто белый, незримый воочью,
Знак смятенья над ним начертал.

С той поры временами гуляка
Различал под бесплотным перстом
По веленью незримого знака
Два-три звука в порядке простом.

Две-три ноты, но сколько свободы!
Как кружилась его голова!
А погода сменяла погоду,
Снег ложился, вставала трава.

Белый день грохотал неустанно,
Заставая его в неглиже.
Наш герой различал фортепьяно
На высоком одном этаже.

И бедняга в догадках терялся:
Кто проклятье его разгадал?
А мотив между тем повторялся,

Кто-то сверху ночами играл.

Он дознался. Под кровлей покатой
Жили врозь от людей вдалеке
Злой старик с шевелюрой косматой,
Рядом — девушка в сером платке.

Он внушил себе (разве представишь?
И откуда надежды взялись?),
Что напевы медлительных клавиш
Под руками ее родились.

В день веселой женитьбы героя
От души веселился народ.
Ели первое, ели второе,
А на третье сварили компот.

Славный праздник слегка омрачался,
Хотя «Горько» летело окрест, —
Злой старик в одночасье скончался,
И гудел похоронный оркестр.

Геликоны, литавры, тромбоны.
Спал герой, захмелев за столом.
Вновь литавры, опять геликоны —
Две-три ноты в порядке простом.

Вот он спит. По январскому полю
На громадном летит скакуне.
Видит маленький город, дотоле
Он такого не видел во сне.

Видит ратушу, круг циферблата,
Трех овчарок в глубоком снегу.
И к нему подбегают ребята
Взапуски, хохоча на бегу.

Сзади псы, утопая в кюветах,
Притащили дары для него:
Три письма в разноцветных конвертах —
Вот вам слезы с лица моего!

А под небом заснеженных кровель,
Привнося глубину в эту высь,
С циферблатом на ратуше вровень
Две-три птицы цепочкой.
Проснись!

Он проснулся. Открытая книга.
Ночь осенняя. Сырость с небес.
В полутемной каморке — ни сдвига.
Слышно только от мига до мига:
Ре-ре-соль-ре-соль-ре-до-диез.

1977

Сергей Гандлевский

Я давно на родине не был

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».
Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой — подъемные краны,
Здесь — колодезные журавли.
Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.
За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников — Лужники.
На ветру многоцветные шали,
То косынка, то сарафан,
Будто флаги на фестивале

Всех великих и малых стран.
Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:
Дескать, только дома пониже
Да, конечно, асфальт пожиже,—
Больше разницы никакой.

Александр Яшин

Прости, Москва

Прости, Москва, о град, в котором я родился,
В котором в юности я жил и возрастал,
В котором живучи, я много веселился
И где я в первый раз любви подвластен стал.

Любви подвластен стал, и стал лишен покою,
В тебе, в тебе узнал, что прямо есть любить,
А ныне принужден расстаться я с тобою,
Злой рок мне осудил в пустынях жизнь влачить.

Но где, расставшись с тобою, жить ни буду,
Любви не истреблю к тебе я никогда,
Ни на единый час тебя я не забуду,
Ты в памяти моей пребудешь навсегда.

Приятности твои на мысли вображая,
В пустынях буду я по всякий час скучать,
Там стану вздыхать и стану, вздыхая,
Стенящим голосом Кларису воспевать.

Алексей Ржевский

Александра

Не сразу все устроилось,
Москва не сразу строилась,
Москва слезам не верила,
А верила любви.
Снегами запорошена,
Листою заморожена,
Найдет тепло прохожему,
А деревцу — земли.
Александра, Александра,
Этот город — наш с тобою,
Стали мы его судьбою —
Ты взглядишь в его лицо.
Чтобы ни было в начале,
Утолит он все печали.
Вот и стало обручальным
Нам Садовое Кольцо.
Москву рябины красили,
Дубы стояли князями,
Но не они, а ясени
Без спросу выросли.
Москва не зря надеется,
Что вся в листву оденется,
Москва найдет для деревца
Хоть краешек земли.
Александра, Александра,
Что там вьется перед нами?
Это ясень семенами
Кружит вальс над мостовой.
Ясень с видом деревенским
Приобщился к вальсам венским.
Он пробьется, Александра,
Он надышится Москвой.
Москва тревог не прятала,
Москва видала всякое,
Но беды все и горести
Склонялись перед ней.
Любовь Москвы не быстрая,

Но верная и чистая,
Поскольку материнская
Любовь других сильнеей.
Александра, Александра,
Этот город — наш с тобою,
Стали мы его судьбою —
Ты взглядишь в его лицо.
Чтобы ни было в начале,
Утолит он все печали.
Вот и стало обручальным
Нам Садовое Кольцо.

Юрий Визбор

Передний край

Летала смерть зловещей тенью,
Держалась жизнь на волоске...
И шло в сражение ополчение
На ближних подступах к Москве.

Здесь наша боль и наша слава.
И ты судьбе не изменяй.
Москва, Москва – моя держава,
Передний край, передний край.

Любовь к Москве – любовь святая...
В тот страшный час в осенней мгле
Шли в бой сыны степного края
На ближних подступах к Москве.

И навсегда лежать остался
Товарищ мой в сырой траве,
Где поредевший полк сражался
На ближних подступах к Москве.

В лучах прожектора металась
Звезда в полночной синеве...

И дальних звёзд судьба решалась
На ближних подступах к Москве.

Здесь наша боль и наша слава.
Июньский гром. Победный май.
Москва, Москва – моя держава.
Москва – всегда передний край.

Николай Добронравов

Старт даёт Москва

Старт даёт Москва,
Старт даёт Москва,
Старт даёт Москва,
Зовёт на старт наша Москва!

Самое мирное
Сражение – спортивное.
Нет крепче оружия,
Чем верная дружба.
Всё будет отдано
Для радости Родины,
И крылья отваги
Окрепнут в атаке.

Самое мирное
Сражение – спортивное.
Всё громче аккорды
Высоких рекордов.
Честно и молодо
Спортивное золото.
Плывут над планетой
Фанфары победы...

Старт даёт Москва,
Старт даёт Москва,
Старт даёт Москва,

Зовёт на старт наша Москва!

Николай Добронравов

Разноцветная москва

У окна стою я, как у холста,
Ах какая за окном красота!
Будто кто-то перепутал цвета,
И Неглинку, и Манеж.

Над Москвой встает зеленый восход,
По мосту идет оранжевый кот,
И лоточник у метро продает
Апельсины цвета беж.

Вот троллейбуса мерцает окно,
пассажиры — как цветное кино.
Мне, товарищи, ужасно смешно
наблюдать в окошко мир.
Этот негр из далекой страны
так стесняется своей белизны,
и рубают рядом с ним пацаны
фиолетовый пломбир.

И качает головой постовой,
он сегодня огорошен Москвой,
ни черта он не поймет, сам не свой,
словно рыба на мели.
Я по улице бегу, хохочу,
мне любые чудеса по плечу,
фонари свисают — ешь не хочу,
как бананы в Сомали.

Леонид Филатов

Негр в Москве

Не мираж в дымящейся синеве,

И не вымысел, и не сон,—
Старый негр
На Октябрьском параде,
В Москве,
Солнцем северным озарен.

У Кремлевской стены делегат.
Перед ним
Всех Республик народы идут,—
В братстве жизнь их,
Союз их ненарушим,
И свободен и радостен труд.

Алый вихрь знамен
И песен прибой...
Ни погонщиков, ни цепей, ни слез...
Старый негр поник седой головой —
Ветер Африки негру стон донес.

...Ветер полз, извиваясь, в злых песках,
В джунглях блуждал,
В болотах глож.
Там, в тростниках, с кровью у виска,
Загнанный брат не нашел дорог.

Из Сиднея в Судан,
Из Судана в Сидней
Гнал корабли из порта в порт.
И под каждым вымпелом —
Звон цепей
И смех павианий жирных морд.

А на рынке Тимбукту
За маис гнилой
(Бился в глазах голод и страх)
Черною пальмою передо мной
Пала проданная сестра.

У хижин в ночах,
От росы до росы,
Подстерегают

Хозяйские псы.
В гнойную яму брошен, вслед
Скованный сын прохрипел привет.

Ждут на плантациях, на рудниках.
Изнемогая,
Гонца и вестей...

.....
Ветер стих в камнях у ног старика.
Ветер Африки свистом плетей.
А вокруг ликовала и пела Москва.

Кто-то руку негру пожал.
И звучали на всех языках слова:
Ленин и
Интернационал...

И не вымысел, и не лживый сон:
Нерушимо народа доверие,—
Бережно пронесен
Огонь знамен
Сквозь когтистые лапы империи.

О Ленине
Делегат говорит —
Весть идет из Сиднея в Судан,
И над Конго грозный гимн гремит,
Гимн пролетариев всех стран.

Сергей Обрадович

Спокойно спал в больших домах в Москве

Спокойно спал в больших домах в Москве,
Но вдалеке от зданий крупноблочных,
В Литве — была бессонница и две
Собаки для прогулок за полночь.

По Вильнюсу бродя то здесь, то там,
Два поводка натянутых ременных
Держал в руке — и вывески на стенах
Читал при малом свете по складам.

По Вильнюсу, примерно в тот же час,
Двух собачонок женщина водила.
Бессонницу свою заполнить тщась,
Со мной болтала искренне и мило.

Мы не знакомы с ней по существу,—
Но именно она, уверен в этом,
Навеки осветила мне Литву
Бессонниц наших двуединым светом.

Александр Межиров

Люблю осеннюю Москву

Люблю осеннюю Москву
в ее убранстве светлом,
когда утрами жгут листву,
опавшую под ветром.
Огромный медленный костер
над облетевшим садом
похож на стрелчатый костел
с обугленным фасадом.
А старый клен совсем поник,
стоит, печально горбясь...
Мне кажется, своя у них,
своя у листьев гордость.
Ну что с того, ну что с того,
что смяты и побиты!
В них есть немое торжество
предчувствия победы.
Они полягут в чернозем,
собой его удобрят,

но через много лет и зим
потомки их одобряют,
Слезу ненужную утрут,
и в юном трепетанье
вся неоправданность утрат
получит оправданье...
Парит, парит гусиный клин,
за тучей гуси стонут.
Горит, горит осенний клен,
золою листья станут.
Ветрами старый сад продут,
он растает с летом..
А листья новые придут,
придут за теми следом.

Юрий Левитанский

Осенняя весна

Мутна осенняя Москва:
И воздух, и прохожих лица,
И глаз оконных синева,
И каждой вывески страница,

И каждая полоса
На темени железном зданий,
И проволочные волоса,
Распущенные в тумане.

Осенняя Москва мутна.
Осенняя... И вдруг знамена!
И вспыхивает она,
И вспыхивает, удивлена,
Что — вот не видно небосклона,
А вон в руках кипит весна!

Василий Казин

Крымский мост

Город мой вечерний,
город мой, Москва,
весь ты — как кочевье
с Крымского моста,

Убегает в водах
вдаль твое лицо.
Крутится без отдыха
в парке колесо.

Крутится полсвета
по тебе толпой.
Крутится планета
прямо под тобой.

И по грудь забрызган
звездным серебром
мост летящий Крымский —
мой ракетодром.

Вот стою, перила
грустно тебе.
Я уже привыкла
покидать тебя.

Все ношусь по свету я
и не устаю.
Лишь порой посетую
на судьбу свою.

Прокаленной дочерна
на ином огне,
как замужней дочери,
ты ответишь мне:

«Много или мало
счастья и любви,
сама выбирала,
а теперь — живи...»

Уезжаю снова.
Снова у виска
будет биться слово
странное «Москва».

И рассветом бодрым
где-нибудь в тайге
снова станет больно
от любви к тебе.

Снова все к разлуке,
снова неспроста —
сцепленные руки
Крымского моста.

Римма Казакова

Большая деревня

...И все слышней, и все напевней
Шумит полей родных простор,
Слывет Москва «большой деревней»
По деревням и до сих пор.

В Москве звенят такие ж песни,
Такие песни, как у нас;
В селе Оселье и на Пресне
Цветет один и тот же сказ.

Он, словно солнце над равниной,
Бросает в мир снопы лучей,
И сплелся в нем огонь рябины

С огнем московских кумачей.

Москва пробила все пороги
И по зеленому руслу
Ее широкие дороги
От стен Кремля текут к селу.

И оттого-то все напевней
Шумит полей родных простор,
Что в каждой маленькой деревне
Теперь московский кругозор.

Москва в столетьях не завянет
И не поникнит головой,
Но каждая деревня станет
Цветущей маленькой Москвой.

Михаил Исаковский

Москва

Я в первый раз в Москву приехал
Тринадцать лет тому назад
Мне в память врезан
Скорбной вехой
Тюрьмы облупленный фасад.

Солдат конвойных злые лица.
Тупик, похожий на загон...
Меня в любимую столицу
Привез «столыпинский» вагон.

Гремели кованые двери,
И кто-то плакал в тишине...
Москва!
«Москва слезам не верит»-
Пришли слова

На память мне.

Шел трудный год пятидесятый.
Я ел соленую треску.
И сквозь железные квадраты
Смотрел впервые на Москву.

За прутьями теснились кровли,
Какой-то склад,
Какой-то мост.
И вдалеке — как капли крови —
Огни родных кремлевских звезд.

Хотелось плакать от обиды.
Хватала за душу тоска.
Но, как и в древности забытой,
Слезам не верила Москва...

Текла безмолвная беседа...
Решетки прут пристыл к руке.
И я не спал.
И до рассвета
Смотрел на звезды вдалеке.

И стала вдруг родней и ближе
Москва в предутреннем дыму...
А через день
С гудком охрипшим
Ушел состав — на Колыму...

Я все прошел.
Я гордо мерил
Дороги, беды и года.
Москва —
Она слезам не верит.
И я не плакал
Никогда.

Но помню я
Квартал притихший,
Москву в те горькие часы.
И на холодных, синих крышах

Скупые
Капельки
Росы...

Анатолий Жигулин

Огонь

Костер, что где-нибудь в лесу,
Ночуя, путник палит,—
И тот повысушит росу,
Траву вокруг обвялит.

Пожар начнет с одной беды,
Но только в силу вступит —
Он через улицу сады
Соседние погубит.

А этот жар — он землю жег,
Броню стальную плавил,
Он за сто верст касался щек
И брови кучерявил.

Он с ветром неся на восток,
Сжигая мох на крышах,
И сизой пылью вдоль дорог
Лежал на травах рыжих.

И от столба и до столба,
Страду опережая,
Он на корню губил хлеба
Большого урожая...

И кто в тот год с войсками шел,
Тому забыть едва ли
Тоску и муку наших сел,
Что по пути лежали.

И кто из пламени бежал
В те месяцы лихие,
Тот думать мог, что этот жар
Смертелен для России.

И с болью думать мог в пути,
Тех, что прошли, сменяя:
— Земля отцовская, прости,
Страдалица родная...

И не одна уже судьба
Была войны короче.
И шла великая борьба
Уже как день рабочий.

И долг борьбы — за словом — власть
Внушала карой строгой.
И воин, потерявший часть,
Искал ее с тревогой...

И ты была в огне жива,
В войне права, Россия.
И силу вдруг нашла Москва
Ответить страшной силе.

Москва, Москва, твой горький год,
Твой первый гордый рапорт,
С тех пор и ныне нас ведет
Твой клич: — Вперед на запад!

Пусть с новым летом вновь тот жар
Дохнул, невероятный,
И новый страшен был удар,—
Он был уже не первый.

Ты, Волга, русская река,
Легла врагу преградой.
Восходит заревом в века
Победа Сталинграда.

Пусть с третьим летом новый жар
Дохнул — его с восхода

С привычной твердостью встречал
Солдатский взгляд народа.

Он мощь свою в борьбе обрел,
Жестокой и кровавой,
Солдат-народ. И вот Орел —
Начало новой славы.

Иная шествует пора,
Рванулась наша сила
И не споткнулась у Днепра,
На берег тот вступила.

И кто теперь с войсками шел,
Тому забыть едва ли
И скорбь и радость наших сел,
Что по пути лежали.

Да, много горя, много слез —
Еще их срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Но праздник свят и величав.
В огне полки сменяя,
Огонь врага огнем поправ,
Идет страна родная.

Ее святой, великий труд,
Ее немые муки
Прославят и превознесут
Благоговейно внуки.

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!

Александр Твардовский

Над городом, отвергнутым Петром

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и Вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари: колокола.

Пока они гремят из синева —
Неоспоримо первенство Москвы.

— И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

Марина Цветаева

При виде Москвы, возвращаясь с Персидской войны

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
О кто, кто из твоих сынов
Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

Денис Давыдов

Москве (Когда рыжеволосый Самозванец)

1

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил — ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? — Румянец,
Красавица? — Разумница, — где речь?

Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах — стояла.
Все вынесут кремлевские бока.

2

Гришка-Вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? — Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? — Далече.

— Голубочки где твои? — Нет корму.
— Кто унес его? — Да ворон черный.
— Где кресты твои святые? — Сбиты.
— Где сыны твои, Москва? — Убиты.

3

Жидкий звон, постный звон.
На все стороны — поклон.

Крик младенца, рев коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плётток свист и снег в крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.

Черные глаза Стрельчихи.

Марина Цветаева

Возвращение из Ленинграда

Всё б глаз не отрывать от города Петрова,
гармонию читать во всех его чертах
и думать: вот гранит, а дышит, как природа...
Да надобно домой. Перрон. Подъезд. Чердак.

Былая жизнь моя – предгорье сих ступеней.
Как улица стара, где жили повара.
Развязно юн пред ней пригожий дом столетний.
Светает, а луна трудов не прервала.

Как велика луна вблизи окна. Мы сами
затеяли жильё вблизи небесных недр.
Попробуем продлить привал судьбы в мансарде:
ведь выше — только глушь, где нас с тобою нет.

Плеск вечности в ночи подтачивает стены
и зарится на миг, где рядом ты и я.
Какая даль видна! И коль взглянуть острее,
возможно различить границу бытия.

Вселенная в окне — букварь для грамотея,
читаю по складам и не хочу прочесть.
Объютую зарей, дымами и метелью,
как я люблю Москву, покуда время есть.

И давешняя мысль — не больше безрассудства.
Светает на глазах, всё шире, всё быстрее.
Уже совсем светло. Но, позабыв проснуться,
простёр Тверской бульвар цепочку фонарей.

Белла Ахмадулина

О Москве

Есть город с пыльными заставами,
С большими золотыми главами,
С особняками деревянными,
С мастеровыми вечно пьяными,
И столько близкого и милого
В словах: Арбат, Дорогомилово...

Илья Эренбург

Говорит Москва

Трибун на цоколе безумца не напоит.
Не крикнут ласточки среди каменной листвы.
И вдруг доносится, как смутный гул прибоя,
Дыхание далекой и живой Москвы.
Всем пасынкам земли знаком и вчуже дорог
(Любуются на улиц легкие стежки) —
Он для меня был нежным детством, этот город,
Его Садовые и первые снежки.
Дома кочуют. Выйдешь утром, а Тверская
Свернула за угол. Мостов к прыжку разбег.
На реку корабли высокие спускают,
И, как покойника, сжигают ночью снег.
Иду по улицам, и прошлого не жалко.
Ни сверстников, ни площади не узнаю.
Вот только слушаю все ту же речь с развалкой
И улыбаюсь старожилу-воробью.
Сердце кипенье: город взрезан, взорван, вскопан,
А судьбы сыплются меж пальцев, как песок.
И, слыша этот шум, покорно ночь Европы

Из рук роняет шерсти золотой моток.

Илья Эренбург

Все меры превзошла теперь моя досада

Все меры превзошла теперь моя досада.
Ступайте, фурии, ступайте вон из ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
В сей час, в который я терзаюсь, вопию,
В сей час среди Москвы «Синава» представляют
И вот как автора достойно прославляют:
«Играйте, — говорят, — во мзду его уму,
Играйте пакостно за труд назло ему!»
Сбираются ругать меня враги и други.
Сие ли за мои, Россия, мне услуги?
От стран чужих во мзду имею не сие.
Слезами я краплю, Вольтер, письмо твое.
Лишенный муз, лишусь, лишуся я и света.
Екатерина, зри! Проснись, Елисавета!
И сердце днесь мое внемлите вместо слов!
Вы мне прибежище, надежда и покров;
От гроба зрит одна, другая зрит от трона:
От них и с небеси мне будет оборона,
О боже, видишь ты, колика скорбь моя,
Зришь ты, в коликом днесь отчаянии я,
Терпение мое преходит за границы,
Подвигни к жалости ты мысль императрицы!
Избави ея днесь от варварских мя рук
И от гонителей художеств и наук!
Невежеством они и грубостию полны.
О вы, кропящие Петрополь невки волны,
Сего ли для, ах, Петр храм музам основал.
Я суетно на вас, о музы, уповал!
За труд мой ты, Москва, меня увидишь мертва:

Стихи мои и я наук злодеям жертва.

Александр Сумароков

Повсюду вопли, стоны, крики

Повсюду вопли, стоны, крики,
Везде огонь иль дым густой.
Над белокаменной Москвой
Лишь временем Иван Великий
Сквозь огонь, сквозь дым и мрак ночной
Столпом огромным прорезался
И, в небесах блестя челом,
Во всем величии своем
Великой жертвой любовался.

Кондратий Рылеев

Рождество в Москве

Замедлилось и время
И душа, какая есть.
И дивные метели
Замедлились, зальдились,
Отсвистели...
И у окна стою я, чуть дыша,
Большого города
Улавливая ритмы.
Каков он есть?
И что сулит он мне?
И звонами колокола налиты,
И Рождество проходит по земле.

Татьяна Ровицкая

В Москву

Рвет на клочья встречный ветер
Паровозный сизый дым.
Над полями тает вечер...
Хорошо быть молодым!

С верхней полки ноги свесив,
Шуткой девушек смешить,
Коротать дорогу песней,
Волноваться и спешить.

Пусть туманом даль намокла,
Никнет блеклая трава,
Ветер свистом лижет стекла.
«С-с-скоро крас-с-сная Мос-с-сква!»

Едут все кругом учиться,
Не вагон, а целый вуз!
Светят молодостью лица,
Паровоз ворчит и злится

И везет, везет в столицу
Небывало шумный «груз».

Крики, споры, разговоры,
Хохот дружный и густой...
— Говорю же, это скорый!
— Нет, не скорый, а простой!
— Стыдно, друг, в путейцы метишь,
А с движеньем не знаком!
— Ой, как долго!.. Едешь, едешь...
— Кто пойдет за кипятком?!

— Нет, товарищ, вы, как страус,
Не ныряйте под крыло,
«Фауст» есть, конечно, «Фауст»,
Но что было, то прошло!

Взять хоть образ Маргариты,
Что он сердцу говорит?
— Эх, брат, что ни говори ты,
Трудно жить без Маргарит...

— Слушай, Нинка, ты отстала,
Петухом не налетай.
О фосфатах ты читала?
О коррозии металла
Не читала? Почитай!..

Позабыв о жарком лете,
Мокнет блеклая трава,
В стекла бьется скользкий ветер,
И вдали туманно светит
Необъятная Москва.

Паровозный дым, как войлок,
Рваным пологом плывет.
Точно конь, почуяв стойло,
Паровоз усилил ход.

Станционные ограды
Глухо сдвинулись вокруг...
Эй, Москва! Прими, как надо,

Молодежные отряды
Дружной армии наук!

Василий Лебедев-Кумач

Москва майская

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля.
Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильнее.
С добрым утром, милый город, —
Сердце Родины моей!

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,
Москва моя —
Ты самая любимая!

Разгорелся день веселый,
Морем улицы шумят,
Из открытых окон школы
Слышны крики октябрят.
Май течет рекой нарядной
По широкой мостовой,
Льется песней необъятной
Над красавицей Москвой.

День уходит, и прохлада
Освежает и бодрит.
Отдохнувши от парада,
Город праздничный гудит.
Вот когда встречаться парам!
Говорлива и жива —

По садам и по бульварам
Растекается Москва.

Стала ночь на день похожей,
Море света над толпой.
Эй, товарищ! Эй, прохожий! —
С нами вместе песню пой!
Погляди, — поет и пляшет
Вся Советская страна...
Нет тебя светлей и краше,
Наша красная весна!

Голубой рассвет глядится
В тишину Москвы-реки,
И поют ночные птицы —
Паровозные гудки.
Бьют часы Кремлевской башни,
Гаснут звезды, тает тень...
До свиданья, день вчерашний,
Здравствуй, новый, светлый день!

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,
Москва моя —
Ты самая любимая!

Василий Лебедев-Кумач

Я тоскую в Москве о многом

Я тоскую в Москве о многом:
И о том,
Что с тобою мы — врозь,
И о горных крутых дорогах,
Где нам встретиться довелось.
Не забуду дороги эти,

Альпинистов упругий шаг.
Все мне кажется — горный ветер
Чем-то близок ветрам атак.

Юлия Друнина

Придет, придет Москва

Придет, придет Москва! Нас вызволит Москва
Из темной ямы хищника-урода.
На красном знамени Москвы горят слова:
«Жизнь и свобода».

Муса Джалиль

Песчаный человечек

Человек бежит песчаный
по дороженьке печальной.

На плечах красиво сшита
майка в дырочках, как сито.

Не беги, теряя вес,
можешь высыпаться весь!

Но не слышит человек,
продолжает быстрый бег.

Подбегает он к Москве —
остается ЧЕЛОВЕ...

Губы радостно свело —
остается лишь ЧЕЛО...

Майка виснет на плече —
от него осталось ЧЕ...

Человечка нет печального.
Есть дороженька песчаная...

Андрей Вознесенский

Москва ночью при снегопаде

Родитель-хранитель-ревнитель души,
что ластишься чудом и чадом?
Усни, не таращь на луну этажи,
не мучь Александровским садом.

Москву ли дразнить белизною Афин
в ночь первого сильного снега?
(Мой друг, твое имя окликнет с афиш
из отчужденья, как с неба.

То ль скареда-лампа жалеет огня,
то ль так непроглядна погода,
мой друг, твое имя читает меня
и не узнает пешехода.)

Эй, чудище, храмище, больно смотреть,
орды угомон и поминки,
блаженная пестрядь, родимая речь —
всей кровью из губ без запинки.

Деньга за щекою, раскосый башмак
в садочке, в калине-малине.
И вдруг ни с того ни с сего, просто так,
в ресницах — слеза по Марине...

Белла Ахмадулина

Город ночью прост и вечен

Город ночью прост и вечен,
Светит трепетный неон.
Где-то над Замоскворечьем
Низкий месяц наклонен.

Где-то новые районы,
Непчатые снега.
Там лишь месяц наклоненный
И не видно ни следа,

Ни прохожих. Спит столица,
В снег уткнувшись головой,
Окольцована, как птица,
Автострадой кольцевой.

Давид Самойлов

Выезд

Помню — папа еще молодой,
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик лихой, завитой,
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве — допотопный трамвай,
Где прицепом — старинная конка.
А над Екатерининским — грай.
Все впечаталось в память ребенка.

Помню — мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.

И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем...

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом — купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода,
Конь горяч, и пролетка крылата.
И мы едем незнамо куда —
Всё мы едем и едем куда-то.

Давид Самойлов

Моя Москва

Тополей влюбленное цветенье
вдоль по Ленинградскому шоссе...
Первое мое стихотворенье
на твоей газетной полосе...

Первый трепет, первое свиданье
в тихом переулочке твоём.
Первое и счастье и страданье.
Первых чувств неповторимый гром.

Первый сын, в твоём доме рожденный.
Первых испытаний седина.
Первый выстрел. Город затемненный.
Первая в судьбе моей война.

Выстояла, сводки принимая,

чутким сердцем слушая фронты.
Дождик... Кремль... Рассвет... Начало мая...
Для меня победа — это ты!

Если мы в разлуке, все мне снятся
флаг на башне, смелая звезда...
Восемьсот тебе иль восемнадцать —
ты из тех, кому не в счет года.

Над тобою облако — что парус.
Для тебя столетья — что моря.
Несоединимы ты и старость,
древний город — молодость моя!

Маргарита Алигер

Москва-Одесса

В который раз лечу Москва — Одесса...
Опять не выпускают самолёт.
А вот прошла вся в синем стюардесса, как принцесса,
Надёжная, как весь гражданский флот.

Над Мурманском — ни туч, ни облаков,
И хоть сейчас лети до Ашхабада,
Открыты Киев, Харьков, Кишинёв,
И Львов открыт — но мне туда не надо!

Сказали мне: «Сегодня не надейся —
Не стоит уповать на небеса!»
И вот опять дают задержку рейса на Одессу:
Теперь обледенела полоса.

А в Ленинграде с крыши потекло!
И что мне не лететь до Ленинграда?!
В Тбилиси — там всё ясно, там тепло,
Там чай растёт, но мне туда не надо!

Я слышу: ростовчане вылетают!
А мне в Одессу надо позарез!
Но надо мне туда, куда три дня не принимают
И потому откладывают рейс.

Мне надо — где сугробы намело,
Где завтра ожидают снегопада!..
А где-нибудь всё ясно и светло,
Там хорошо — но мне туда не надо!

Отсюда не пускают, а туда не принимают...
Несправедливо, грустно мне! Но вот
Нас на посадку скучно стюардесса приглашает,
Надёжная, как весь гражданский флот.

Открыли самый дальний уголок,
В который не заманят и награды,
Открыт закрытый порт Владивосток,
Париж открыт — но мне туда не надо!

Взлетим мы, распогодится — теперь запреты снимут!
Напрягся лайнер, слышен визг турбин...
Сижу как на иголках: ну а вдруг опять не примут —
Опять найдётся множество причин.

Мне надо — где метели и туман,
Где завтра ожидают снегопада!..
Открыли Лондон, Дели, Магадан,
Открыли всё — но мне туда не надо!

Я прав, хоть плачь, хоть смейся, но опять задержка рейса!
И нас обратно к прошлому ведёт
Вся стройная, как ТУ, та стюардесса мисс Одесса,
Похожая на весь гражданский флот.

Опять дают задержку до восьми —
И граждане покорно засыпают...
Мне это надоело, чёрт возьми,
И я лечу туда, где принимают!

Владимир Высоцкий

Богини

Давай покинем этот дом, давай покинем,-
нелепый дом,
набитый скукою и чадом.
Давай уйдем к своим домашним богиням,
к своим уютным богиням, к своим ворчащим...
Они, наверно, ждут нас?
Ждут. Как ты думаешь?
Заварен чай, крепкий чай. Не чай — а деготь!
Горят цветные светляки на низких тумбочках,
от проносящихся машин дрожат стекла...
Давай пойдем, дружище!
Из-за стола встанем.
Пойдем к богиням, к нашим судьям бессонным,
Где нам обоим приговор уже составлен.
По меньшей мере мы приговорены к ссоре...
Богини сидят, в немую тьму глаза тараща.
И в то, что живы мы с тобою,
верят слабо...
Они ревнивы так, что это даже страшно.
Так подозрительны, что это очень странно.
Они придумывают разные разности,
они нас любят
горячо и неудобно.
Они всегда считают самой высшей радостью
те дни, когда мы дома.
Просто дома...
Москва ночная спит и дышит глубоко.
Москва ночная
до зари ни с кем не спорит...

Идут к богиням два не очень трезвых бога,
Желают боги одного: быть собою.

Роберт Рождественский

Москва

Наползают медные тучи,
А из них вороны грают.
Отворяются в стене ворота.
Выезжают злые опричники,
И за рекой трубы играют...
Взмесят кони и ростопель
Кровь с песком горючим.
Вот и мне, вольному соколу,
Срубят голову саблей
Злые опричники.

Алексей Николаевич Толстой

На тихих берегах Москвы

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

Александр Пушкин

Была пора, наш праздник молодой

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,

И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —

Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

Александр Пушкин

Новый быт

Восходит солнце над Москвой.
Старухи бегают с тоской:
Куда, куда идти теперь?
Уж Новый Быт стучится в дверь!
Младенец, выхолен и крупен,

Сидит в купели, как султан.
Прекрасный поп поет, как бубен,
Паникадиллом осиян.
Прабабка свечку зажигает,
Младенец крепнет и мужает
И вдруг, шагая через стол,
Садится прямо в комсомол.

И время двинулось быстрее,
Стареет папенька-отец,
И за окошками в аллее
Играет сваха в бубенец.
Ступни младенца стали шире,
От стали ширится рука.
Уж он сидит в большой квартире,
Невесту держит за рукав.
Приходит поп, трясая ногами,
В ладошке мощи бережет,
Благословить желает стенки,
Невесте крестик подарить.
«Увы,— сказал ему младенец,—
Уйди, уйди, кудрявый поп,
Я — новой жизни ополченец,
Тебе ж один остался гроб!»
Уж поп тихонько плакать хочет,
Стоит на лестнице, бормочет,
Не зная, чем себе помочь.
Ужель идти из дома прочь?
Но вот знакомые явились,
Завод пропел: «Ура! Ура!»
И Новый Быт, даруя милость,
В тарелке держит осетра.
Варенье, ложечкой носимо,
Шипит и падает в боржом.
Жених, проворен нестерпимо,
К невесте лепится ужом.
И председатель на отвале,
Чете играя похвалу,
Приносит в выборгском бокале
Вино солдатское, халву,

И, принимая красный спич,
Сидит на столике кулич.

«Ура! Ура!» — поют заводы,
Картошкой дым под небеса.
И вот супруги, выпив соды,
Сидят и чешут волоса.
И стало все благоприятно:
Явилась ночь, ушла обратно,
И за окошком через миг
Погасла свечка-пятерик.

Николай Заболоцкий

Встаю расслабленный с постели

Встаю расслабленный с постели.
Не с Богом бился я в ночи,-
Но тайно сквозь меня летели
Колючих радио лучи.

И мнится: где-то в теле живы,
Бегут по жилам до сих пор
Москвы бунтарские призывы
И бирж всесветный разговор.

Незаглушимо и сумбурно
Пересеклись в моей тиши
Ночные голоса Мельбуерна
С ночными знаньями души.

И чьи-то имена, и цифры
Вонзаются в разъятый мозг,
Врываются в глухие шифры
Разряды океанских гроз.

Хожу — и в ужасе внимаю
Шум, не внимаемый никем.

Руками уши зажимаю —
Все тот же звук! А между тем ...

О, если бы вы знали сами,
Европы темные сыны,
Какими вы еще лучами
Неощутимо пронзены!

Владислав Ходасевич

Москва

Влачась в лазури, облака
Истомой влаги тяжелеют.
Березы никлые белеют,
И низом стелется река.

И Город-марево, далече
Дугой зеркальной обойден, —
Как солнца зарных ста знамен —
Ста жарких глав затеплил свечи.

Зеленой тенью поздний свет,
Текучим золотом играет;
А Град горит и не сгорает,
Червонный зыбля пересвет.

И башен тесною толпою
Маячит, как волшебный стан,
Меж мглой померкнувших полян
И далью тускло-голубою:

Как бы, ключарь мирских чудес,
Всей столпной крепостью заклятий
Замкнул от супротивных ратей
Он некий талисман небес.

Вячеслав Иванов

Песня защитников Москвы

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Остановим,

Отбросим врага.

В атаку, стальными рядами,
Мы поступью твердой идем.
Родная столица за нами —
Наш кровный родительский дом.

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Остановим,
Отбросим врага.

На марше равняются взводы.
Гудит под ногами земля.
За нами дворцы и заводы,
Высокие звезды Кремля.

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Остановим,
Отбросим врага.

Для счастья своими руками
Мы строили город родной.
За каждый расколотый камень
Отплатим мы страшной ценой.

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Остановим,
Отбросим врага.

Не смять богатырскую силу.

Горяч наш порыв боевой.
Мы роём фашистам могилу
В холодных полях под Москвой.

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Остановим,
Отбросим врага.

Алексей Сурков

Негр в Москве

Невозможно не вклиниться
в человеческий водоворот —
у подъезда гостиницы
тесно толпится народ.
Не зеваки беспечные,
что на всех перекрестках торчат,-
дюжий парень из цеха кузнечного,
комсомольская стайка девчат.

Искушенный в политике
и по части манер,
в шляпе, видевшей видики,
консультант-инженер.

Тут же — словно игрушечка
на кустарном лотке —
боевая старушечка
в темноватом платке.

И прямые, отменные,
непреклонные, как на часах,
молодые военные

в малых — покамест — чинах.

Как положено воинству,
не скрываясь в тени,
с непреложным достоинством
держатся строго они.

Под бесшумными кронами
зеленеющих лип городских —
ни трибун с микрофонами,
ни знамен никаких.

Догадались едва ли вы,
отчего здесь народ:
черный сын Сенегалии
руки белые жмет.

Он, как статуя полночи,
черен, строен и юн.
В нашу русскую елочку
небогатый костюм.

По сорочке подштопанной
узнаем наугад:
не буржуйчик (ах, чтобы им!),
наш, трудящийся брат.

Добродушие голоса,
добродушный зрачок.
Вместо русого волоса —
черный курчавый пушок.

И выходит, не знали мы —
не поверить нельзя, —
что и в той Сенегалии
у России друзья.

Не пример обольщения,
не любовь напоказ,
а простое общение
человеческих рас.

Светит солнце весеннее
над омытой дождями Москвой,
и у всех настроение —
словно праздник какой.

Ярослав Смеляков

Я шагаю по Москве

Я шагаю по Москве,
Как шагают по доске.
Что такое — сквер направо
И налево тоже сквер.

Здесь когда-то Пушкин жил,
Пушкин с Вяземским дружил,
Горевал, лежал в постели,
Говорил, что он простыл.

Кто он, я не знаю — кто,
А скорей всего никто,
У подъезда, на скамейке
Человек сидит в пальто.

Человек он пожилой,
На Арбате дом жилой,-
В доме летняя еда,
А на улице — среда
Переходит в понедельник
Безо всякого труда.

Голова моя пуста,
Как пустынные места,
Я куда-то улетаю
Словно дерево с листа.

Геннадий Шпаликов

Бывает все на свете хорошо

Бывает всё на свете хорошо,-
В чем дело, сразу не поймёшь,-
А просто летний дождь прошел,
Нормальный летний дождь.

Мелькнет в толпе знакомое лицо,
Веселые глаза,
А в них бежит Садовое кольцо,
А в них блестит Садовое кольцо,
И летняя гроза.

А я иду, шагаю по Москве,
И я пройти еще смогу
Солёный Тихий океан,
И тундру, и тайгу.

Над лодкой белый парус распущу,
Пока не знаю, с кем,
Но если я по дому загрущу,
Под снегом я фиалку отыщу
И вспомню о Москве.

Геннадий Шпаликов

Садовое кольцо

Я вижу вас, я помню вас
И эту улицу ночную,
Когда повсюду свет погас,
А я по городу кочую.

Прощай, Садовое кольцо,
Я опускаюсь, опускаюсь
И на высокое крыльцо
Чужого дома поднимаюсь.

Чужие люди отворят
Чужие двери с недоверьем,
А мы отрежем и отмерим
И каждый вздох, и чуждый взгляд.

Прощай, Садовое кольцо,
Товарища родные плечи,
Я вижу строгое лицо,
Я слышу правильные речи.

А мы ни в чем не виноваты,
Мы постучались ночью к вам,
Как все бездомные солдаты,
Что просят крова по дворам.

Геннадий Шпаликов

Иван Великий

Опять она, опять Москва!
Редет зыбкий пар тумана,
И засияла голова
И крест Великого Ивана!
Вот он — огромный Бриарей,
Отважно спорящий с громами,
Но друг народа и царей
С своими ста колоколами!
Его набат и тихий звон
Всегда приятны патриоту;
Не в первый раз, спасая трон,
Он влек злодея к эшафоту!
И вас, Реншильд и Шлиппенбах,
Встречал привет его громовой,

Когда, с улыбкой на устах,
Влачились гордо вы в цепях
За колесницу Петровой!
Дела высокие славян,
Прекрасный век Семирамиды,
Герои Альпов и Тавриды —
Он был ваш верный Оссиан,
Звучней, чем Игорев Баян.
И он, супруг твой, Жозефина,
Железный волей и рукой,
На векового исполина
Взирал с невольною тоской!
Москва под игом супостата,
И ночь, и бунт, и Кремль в огне —
Нередко нового сармата
Смущали в грустной тишине.
Еще свободы ярой клики
Таила русская земля;
Но грозен был Иван Великий
Среди безмолвного Кремля;
И Святослава меч кровавый
Сверкнул над буйной головой,
И, избалованная славой,
Она склонилась величаво
Перед торжественной судьбой!..
Восстали царства; пламень брани
Под небом Африки угас,
И звучно, звучно с плеском дланей
Слился Ивана шумный глас!..
И где ж, когда в скрижаль отчизны
Не вписан доблестный Иван?
Всегда, везде без укоризны
Он русской правды алкоран!..
Люблю его в войне и мире,
Люблю в обычной простоте
И в пышной пламенной порфире,
Во всей волшебной красоте,
Когда во дни воспоминаний
Событий древних и живых,
Среди щитов, огней, блистаний,

Горит он в радугах цветных!..
Томясь желаньем ненасытным
Заняться важно суетой,
Люблю в раздумье любопытном
Взойти с народною толпой
Под самый купол золотой
И видеть с жалостью оттуда,
Что эта гордая Москва,
Которой добрая молва
Всегда дарила имя чуда —
Песку и камней только груды.
Без слов коварных и пустых
Могу прибавить я, что лица,
Которых более других
Ласкает матушка-столица,
Оттуда видны без очков,
Поверьте мне, как вереница
Обыкновенных каплунов...
А сколько мыслей, замечаний,
Философических идей,
Филантропических мечтаний
И романтических затей,
Всегда насчет других людей,
На ум приходит в это время!
Какое сладостное бремя
Лежит на сердце и душе!
Ах, это счастье без обмана,
Оно лишь жителя Монблана
Лелеет в вольном шалаше!
Один крестьянин полудикий
Недаром вымолвил в слезах:
«Велик господь на небесах,
Велик в Москве Иван Великий!»
Итак, хвала тебе, хвала,
Живи, цвети, Иван Кремлевский,
И, утешая слух московский,
Гуди во все колокола!..

Александр Полежаев

Кремлевский сад

Люблю я позднею порой,
Когда умолкнет гул раскатный
И шум докучный городской,
Досуг невинный и приятный
Под сводом неба провождать;
Люблю задумчиво питать
Мои беспечные мечтанья
Вкруг стен кремлевских вековых,
Под тенью липок молодых
И пить весны очарованье
В ароматических цветах,
В красе аллей разнообразных,
В блестящих зеленью кустах.
Тогда, краса ленивцев праздных,
Один, не занятый никем,
Смотря и ничего не видя,
И, как султан, на лавке сидя,
Я созидаю свой эдем
В смешных и странных помышленьях.
Мечтаю, грежу как во сне,
Гуляю в выпренних селеньях —
На солнце, небе и луне;
Преображаюсь в полубога,
Сужу решительно и строго
Мирские бредни, целый мир,
Дарую счастье миллионам...
(Весы правдивые законам)
И между тем, пока мой пир
Воздушный, легкий и духовный
Приемлет всю свою красу,
И я себя перенесу
Гораздо дальше подмосковной, —
Плывя, как лебедь, в небесах,

Луна сребрит седые тучи;
Полночный ветер на кустах
Едва колышет лист зыбучий;
И в тишине вокруг меня
Мелькают тени проходящих,
Как тени пасмурного дня,
Как проблески огней блудящих.

Александр Полежаев

У меня в Москве

У меня в Москве — купола горят!
У меня в Москве — колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, —
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится — чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе — до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой

Не сойдутся, Радость моя, доколь

Не догонит заря — зари.

Марина Цветаева

Трамваи

Москва все строится, торопится.
И выкатив свои глаза,
трамваи красные сторонятся,
как лошади — когда гроза.

Они сдают свой мир без жалобы.
А просто: будьте так добры!
И сходят с рельс.
И, словно жаворонки,
влетают в старые дворы.

И, пряча что-то дилижансовое,
сворачивают у моста,
как с папиросы
искры сбрасывая,
туда, где старая Москва,

откуда им уже не вылезти,
не выползти на белый свет,
где старые грохочут вывески,
как полоумные, им вслед.

В те переулочки заученные,
где рыжая по крышам жесть,
в которых что-то есть задумчивое
и что-то крендельное есть.

Булат Окуджава

Только

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муэzzин,
Ни Ява, где живет среди руин,
В Боро-Будур, Светильник Белый мира,

Ни Бенарес, где грозового пира
Желает Индра, мча огнистый клин
Средь тучевых лазоревых долин,—
Ни все места, где пела счастью лира,—

Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звук — услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада,—

Мне не поют заветные слова,—
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне: Москва.

Константин Бальмонт

Речитатив

Владлену Ермакову

Тот самый двор, где я сажал березы,
был создан по законам вечной прозы
и образцом дворов арбатских слыл,
там, правда, не выращивались розы,
да и Гомер туда не заходил...
Зато поэт Глазков напротив жил.

Друг друга мы не знали совершенно,
но, познавая белый свет блаженно,
попеременно — снег, дожди и сушь,
разгулы будней, и подъездов глушь,

и мостовых дыханье,
неизменно
мы ощущали близость наших душ.

Ильинку с Божедомкою, конечно,
не в наших нравах предавать поспешно,
в Усачевку, и Охотный ряд...
Мы с ними слиты чисто и безгрешно,
как с нашим детством — сорок лет подряд,
мы с детства их пророки...
Но Арбат!..

Минувшее тревожно забывая,
на долголетье втайне уповая,
все медленней живем, все тяжелей...
Но песня тридцать первого трамвая
с последней остановкой у Филей
ввучит в ушах, от нас не отставая.

И если вам, читатель торопливый,
он не знаком, тот гордый, сиротливый,
извилистый, короткий коридор
от ресторана «Прага» до Смоляги
и рай, замаскированный под двор,
где все равны:
и дети и бродяги,
спешите же...
Все остальное — вздор.

Булат Окуджава

Рейн и Москва

Я унесен прекрасною мечтой,
И в воздухе душисто-тиховейном,
В стране, где грозд янтарно-золотой,
Я узнаю себя над Рейном.
В его стекле так тихи небеса!

Его берега — расписанные рамки.
Бегут по нем рядами паруса,
Глядят в него береговые замки,
И эхо гор разносит голоса!
Старинные мне слышатся напевы,
У пристаней кипит народ,
По виноградникам порхает хоровод,
И слышу я, поют про старый Рейн девы.

«Наш Рейн, наш Рейн красив и богат!
Над Рейном блестят города!
И с башнями замки, и много палат,
И сладкая в Рейне вода!..»

И пурпуром блещут на Рейне берега:
То наш дорогой виноград,
И шелком одеты при Рейне луга:
Наш реинский берег — Германии сад!

И славится дева на Рейне красой,
И юноша смотрит бодрей!
О, мчись же, наш Рейн, серебрясь полосой,
До синих, до синих морей!..»

Но чье чело средь праздничного шума,
Когда та песня пронеслась,
Поддержнула пролетной тенью дума
И в ком тоска по родине зажглась?..
Он счастлив, он блажен с невестой молодою,
Он празднует прекрасный в жизни миг,
Но вспомнил что-то он над реинской водою...
«Прекрасен Рейн твой и тих,
(Невесте говорит жених),
Прекрасен он — и счастлив я с тобою,
Когда в моей дрожит твоя рука,
Но от тебя, мой юный друг, не скрою,
Что мне, на севере, милей одна река:
Там родина моя, там жил я, бывши молод,
Над бедной той рекой стоит богатый город,
По нем подчас во мне тоска!
В том городе есть башни-исполины!

Как я люблю его картины,
В которых с роскошью ковров
Одеты склоны всех семи холмов —
Садами, замками и лесом из домов!..
Таков он, город наш стохрамый, стопалатный!
Чего там нет, в Москве, для взора необъятной?..
Базары, площади и целые поля
Пестреются кругом высокого Кремля!
А этот Кремль, весь золотом одетый,
Весь звук, когда его поют колокола,
Поэтом, для тебя не чуждым, Кремль воспетый
Есть колыбель Орла
Из царственной семьи великой!
Не верь, что говорит в чужих устах молва,
Что будто север наш такой пустынный, дикий!
Увидишь, какова Москва,
Москва — святой Руси и сердце и глава!—
И не покинешь ты ее из доброй воли:
Там и в мороз тебя пригреют, угостят,
И ты полюбишь наш старинный русский град,
Откушав русской хлеба-соли!..»

Федор Глинка

Реже, меньше ноют раны

Реже, меньше ноют раны.
Четверть века — срок большой.
Но в виски, как в барабаны,
Бьется память, рвется в бой...

Москвичи писали письма,
Что Москвы врагу не взять.
Наконец разобрались мы,
Что назад уже нельзя.

Нашу почту почтальоны

Доставляли через час.
Слишком быстро — лучше б годы
Эти письма шли от нас.

Мы, как женщин, боя ждали,
Врывшись в землю и снега,
И виновных не искали,
Кроме общего врага.

И не находили места —
Ну скорее, хоть в штыки!-
Отступавшие от Бреста
И сибирские полки.

Ждали часа, ждали мига
Наступленья — столько дней!-
Чтоб потом писали в книгах:
«Беспримерно по своей...»

По своей громадной вере,
По желанью отомстить,
По таким своим потерям,
Что ни вспомнить, ни забыть.

Кто остался с похоронной —
Прочитал: «Ваш муж, наш друг...»
Долго будут по вагонам —
Кто без ног, а кто без рук.

Чем и как, с каких позиций
Оправдаешь тот поход?
Почему мы от границы
Шли назад, а не вперед?

Может быть, считать маневром,
(Был в истории такой),-
Только лучше б в сорок первом
Нам не драться под Москвой.

...Помогите, хоть немного!
Оторвите от жены.
Дай вам бог поверить в бога —

Если это бог войны.

Владимир Высоцкий

Полянка зимняя бела

Полянка зимняя бела,
В лесу — бурана вой.
Ночная вьюга замела
Окопчик под Москвой.

На черных сучьях белый снег
Причудлив и космат.
Ничком лежат пять человек —
Советских пять солдат.

Лежат. Им вьюга дует в лоб,
Их жжет мороз. И вот —
На их заснеженный окоп
Фашистский танк ползет.

Ползет — и что-то жабые в нем.
Он сквозь завал пролез
И прет, губительным огнем
Прочесывая лес.

«Даешь!» — сказал сержант. «Даешь!»—
Ответила братва.
За ними, как железный еж,
Щетинилась Москва.

А черный танк все лез и лез,
Утапывая снег.
Тогда ему наперерез
Поднялся человек.

Он был приземист, белокур,
Курнос и синеок.

Холодный глаз его прищур
Был зорек и жесток.

Он шел к машине головной
И помнил, что лежат
В котомке за его спиной
Пять разрывных гранат.

Он массой тела своего
Ей путь загородил.
Так на медведя дед его
С рогатиной ходил.

И танк, паля из всех стволов,
Попятился, как зверь.
Боец к нему, как зверолов,
По насту полз теперь.

Он прятался от пуль за жердь,
За кочку, за хвою,
Но отступающую смерть
Преследовал свою!

И черный танк, взрывая снег,
Пустился наутек,
А коренастый человек
Под гусеницу лег.

И, все собою заслоня,
Величиной в сосну,
Не человек, а столб огня
Поднялся в вышину!

Сверкнул — и через миг померк
Тот огненный кинжал...
Как злая жаба, брюхом вверх,
Разбитый танк лежал.

Дмитрий Кедрин

Петровские казни

Передо мною плаха
На площади встает,
Червонная рубаха
Забыться не дает.

По лугу волю славить
С косой идет косарь.
Идет Москву кровавить
Московский государь.

Стрельцы, гасите свечи!
Вам, косарям, вора́м,
Ломать крутые плечи
Идет последний срам.

У, буркалы Петровы,
Навыкате белки!
Холстинные обновы.
Сынки мои, сынки!

Арсений Тарковский

Москва! Какой огромный странноприимный дом!

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придём.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем — нож.
Издалека -далече —
Ты всё же позовёшь.

На каторжные клейма,
На всякую болезнь —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

И льётся аллилуйя
На смуглые поля.
— Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

Марина Цветаева

Десятилетье Пресни

(Отрывок)

Усыпляя, влачась и сплющивая
Плащи тополей и стоков,
Тревога подула с грядущего,
Как с юга дует сирокко.

Швыряя шафранные факелы
С дворцовых пьедесталов,
Она горящую паклею
Седое ненастье хлестала.

Тому грядущему, быть ему
Или не быть ему?
Но медных макбетовых ведьм в дыму —
Видимо-невидимо.

Глушь доводила до бесчувствия
Дворы, дворы, дворы... И с них,

С их глухоты — с их захолустья,
Завязывалась ночь портних
(Иных и настоящих), прачек,
И спертых воплей караул,
Когда — с Канатчиковой дачи
Декабрь веревки вил, канатчик,
Из тел, и руки в дуги гнул,
Середь двора, когда посул
Свобод прошел, и в стане стачек
Стоял годами говор дул.

Снег тек с расстегнутых енотов,
С подмокших, слипшихся лисиц
На лед оконных переплетов
И часто на плечи жилиц.

Тупик, спускаясь, вел к реке,
И часто на одном коньке
К реке спускался вне себя
От счастья, что и он, дробя
Кавалерийским следом лед,
Как парные коньки, несет
К реке,- счастливый карапуз,
Счастливый тем, что лоск рейтуз
Приводит в ужас все вокруг,
Что все — таинственность, испуг,
И сокровенье,- и что там,
На старом месте старый шрам
Ноябрьских туч, что, приложив
К устам свой палец, полужив,
Стоит знакомый небосклон,
И тем, что за ночь вырос он.
В те дни, как от побоев слабый,
Пал на землю тупик. Исчез,
Сумел исчезнуть от масштаба
Разбастовавшихся небес.

Стояли тучи под ружьем
И, как в казармах батальоны,
Команды ждали. Нипочем

Стесненной стуже были стоны.

Любила снег ласкать пальба,
И улицы обыкновенно
Невинны были, как мольба,
Как святость — неприкосновенны.
Кавалерийские следы
Дробили льды. И эти льды
Перестилались снежным слоем
И вечной памятью героям
Стоял декабрь. Ряды окон,
Не освещенных в поздний час,
Имели вид сплошных попон
С прорезами для конских глаз.

Борис Пастернак

Геночка

Москва, июль печет в разгаре,
Жар, как рубашка к зданиям прилип.
Я у фонтана, на Тверском бульваре
Сижусь под жидковатой тенью лип.

Девчонки рядом с малышом крикливым,
Малыш ревет, затаскан по рукам,
А девочки довольны и счастливы
Столь благодатной ролью юных мам.

И, вытирая слезы с мокрой рожи,
Дают ему игрушки и мячи:
«Ну, Геночка, ну перестань, хороший,
Одну минутку, милый, помолчи».

Ты помолчи, девчонки будут рады,
Им не узнать, что, радостью залит,
Твой тезка на скамейке рядом

С тобою, мальчуган, сидит.

И пусть давным-давно он не ребенок,
Но так приятно, нечего скрывать,
Что хоть тебя устами тех девчонок

Геннадий Шпаликов

Весна в Москве

Мимозу продают у магазина,
Голуби в небе —
не знаю чьи,
И радужно сияют
от бензина
Лиловые
московские
ручьи.

Геннадий Шпаликов

Арбатский романс

Арбатского романса знакомое шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастье,
из чашки запотевшей счастливое питье
и женщины рассеянное «здрасьте»...

Не мучьтесь понапрасну: она ко мне добра.
Светло иль грустно — век почти что прожит.
Поверьте, эта дама из моего ребра,
и без меня она уже не может.

Бывали дни такие — гулял я молодой,

глаза глядели в небо голубое,
еще был не разменян мой первый золотой,
пылали розы, гордые собою.

Еще моя походка мне не была смешна,
еще подошвы не поотрывались,
за каждым поворотом, где музыка слышна,
какие мне удачи открывались!

Любовь такая штука: в ней так легко пропасть,
зарыться, закружиться, затеряться...
Нам всем знакома эта мучительная страсть,
поэтому нет смысла повторяться.

Не мучьтесь понапрасну: всему своя пора.
Траву взрастите — к осени сомнется.
Вы начали прогулку с арбатского двора,
к нему-то все, как видно, и вернется.

Была бы нам удача всегда из первых рун,
и как бы там ни холило, ни било,
в один прекрасный полдень оглянетесь вокруг,
и все при вас, целехонько, как было:

арбатского романса знакомое шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастье,
из чашки запотевшей счастливое питье
и женщины рассеянное «здрасьте»...

Булат Окуджава

Графине Ростопчиной

Как сердцу вашему внушили
К родной Москве такую спесь?
Ее ж любимицей не вы ли
Так мирно расцветали здесь?
Не вас должна б сует гордыня

Вести к хуле своей страны:
Хоть петербургская графиня, —
Вы москвитянкой рождены.

Когда б не в старом граде этом
Впервой на свет взглянули вы,
Быть может, не были б поэтом
Теперь на берегах Невы.
Москвы была то благостыня,
В ней разыгрались ваши сны;
Хоть петербургская графиня, —
Вы москвитянкой рождены.

Ужель Москвы первопрестольной
Вам мертв и скучен дивный вид!
Пред ней, хоть памятью невольной,
Ужель ваш взор не заблестит?
Ужель для сердца там пустыня,
Где мчались дни его весны?
Хоть петербургская графиня, —
Вы москвитянкой рождены.

Иль ваших дум не зажигаю,
Любви вам в душу не вселяю,
Вас прикрывала сень родная
Семисотлетнего Кремля?
Здесь духа русского святыня,
Живая вера старины;
Здесь, петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

Каролина Павлова

Разговор в Кремле

Посвящаю моему сыну

В обширном поле град обширный

Блестел, увенчанный Кремлем,
Молящийся молитвой мирной
Перед Успенья светлым днем.
Над белокаменным простором
Сверкало золото крестов,
И медленным, созвучным хором
Гудели сорок сороков.

Входил, крестясь, в собор Успенский
И знаменитых предков сын,
И бедный плотник деревенский,
И миллионщик-мещанин;
Шли рядом, с миром и любовью,
Они в дом Божий, в дом родной,
Внимать святому славословью
Единоверною семьей.

Меж тем как гимн взносился кроткой
И как сияли алтари,—
Вблизи дворца, перед решеткой,
Стояли человека три:
Лицом не сходны, ни душою,
И дети не одной земли,
Они, сошедшись, меж собою
Беседу долгую вели.

Один, с надменностью явной,
Стоял, неловок и суров,
Заморский гость из стародавней
Столицы лордов и купцов,
Наследник той саксонской крови,
Которой силам нет утрат,—
И на смешение сословий
Глядел, дивясь, аристократ.

Второй, в сраженьях поседелый,
Был спутник тех, которых вел
Чрез все межи и все пределы
Наполеоновский орел;
И этот в золоте заката
Блестящий города объем —

В осенню ночь пред ним когда-то
Стоял в сиянии другом.

Невольно третий на соборы,
На круг чертогов вековых
Бросал порой живые взоры,
И сказывалось речью их,
Что был не чужд в Кремле он этом,
Не путник в этом он краю,
Что русский с радостным приветом
Смотрел на родину свою.

Да,— говорил в своей гордыне
Угрюмый лорд,— ваш край велик,
Окрепла ваша власть, и ныне
Известен в мире русский штык.
Да, ваша рать врагов смирила,
И по морям ваш ходит флот,
Но где опоры вашей сила,
Где ваш незыблемый оплот?

Учениками не всегда ли
Вы были Западной земли?
Вы многое у нас узнали
И многое переняли.
Но в продолжение столетий
В чем изменился ваш народ?
Скажите, поколенья эти
Сумели ль двинуться вперед?

— Так,— молвил русский,— обучала
Чужбина нас; подарено
Землею вашей нам не мало;
Но не далось нам одно,
Одна здесь Запада наука
Не принялась,— наш край таков:
Осталось свято сердцу внука,
Что было свято для отцов.

Блаженства познает мирские
Недаром, может быть, страна,

Недаром Рим и Ниневия
Все взяли роскоши сполна!
Свой блеск высокою ценою
Надменный Запад ваш купил,
И, ослепленный суетою,
Он ищет тайны наших сил...

Вы станьте здесь, когда повсюду
Толпа, стекаясь без конца,
Как к празднику, в сплошную груду
Слилась у Красного крыльца,
Не изменяясь в род из рода,
Любя и веруя, как встарь,—
И среди гремящих волн народа
В Кремле проходит русский царь!

Вы станьте здесь, среди России,
Когда в торжественной ночи
Звучат священные литии,
Блестят несметные лучи;
Когда, облита морем света,
Молитвой теплою полна,—
Мгновением вся площадь эта
В Господний храм обращена;

Когда для вести благодатной
Отверзлись царские врата,
И радостно вельможа знатный
Целует нищего в уста,
И снова возносясь, и снова,
Везде, от долу до небес,
Гремит одно святое слово,
Один возглас: «Христос воскрес!»

Речь русского нетерпеливо
Француз прервал: Быть может, да;
Но силой вашего порыва
Что свершено? Прошли года,
Года идут; где ваше дело?
Где подвиг ваш, когда кругом
Европа целая кипела

Наукой, славой и трудом?

Где вы скитались в годы оны,
Когда страшил соседей галл,
И Хлодвиг Рима легионы
При Суассоне поражал?
Кто ведал про народ ваш дикий?
Какой здесь след есть той поры,
Как цвел наш край и Карл Великий
Гаруна принимал дары?

Где были вы в дни чести бранной,
Когда стремительной молвы
Пронесся в мире гул нежданный
С конца в конец? Где были вы,
Когда, поднявшись ратным станом,
Европа ухватила крест
И прогремел над мусульманом
Ее восторженный протест?

Когда вас видели? Тогда ли,
Как среди песков Сирийских стран
Свои мы ставки укрепляли
Костями падших христиан?
Тогда ль, когда решали снова
Своею кровью мы вопрос
И стражей воинства Христова
Стал над пучиною Родос?

Тогда ль, когда и пред могилой
Еще не смея отдохнуть,
Святой король с последней силой
Предпринял смертоносный путь,
Когда в глуши чужого края,
Исполнен помыслом одним,
Поборник умер, восклицая:
Ерусалим! Ерусалим!

Какая здесь свершалась драма?
Где было ваше первенство,
Когда моря принудил Гама

Дорогу дать ладье его?
Когда, отдвинув мира грани,
Свой материк искал Колумб
И средь угроз и поруганий
Стоял, глаза вперив на румб?

Когда в день скорбный озарило
Лучом небесным с высоты
Преображенье Рафаила
Его отжившие черты?
Когда везде встречались взгляду
Дела, колеблющие мир?
Когда Медина вел армаду
И Гамлета писал Шекспир?

Когда наш блеск, дивя чужбину,
Проник до этого Кремля
Когда Мольер читал Расину
Свой труд в чертогах короля;
Когда в величии и славе
Вознесся пышный наш Версаль,—
Чем были вы хвалиться вправе?
Что вы в свою внесли скрижаль?

Пришельца гордой укоризне
В раздумьи русский отвечал:
Да, не дан был моей отчизне
Блеск ваших западных начал:
Крутой Россия шла дорогой,
Носила горестный венец,
И семьсот лет с любовью строгой
Ее воспитывал Творец!

Пока у вас смирял со славой
Пепина сын войны разгар,—
Наш край дорогой был кровавой
Варягов, готфов и болгар.
Теснимы грабежом и бранью,
Тогда встречали кривичи
Вотще своей убогой данью

Хазаров лютые мечи.

Был срок, когда нахлынул рьяно
На вас, арабов, грозный вал,
И папа дружбу мусульмана
Подобострастно покупал

От алтаря Святой Софии
В те приносила времена
Молитву первую России
Богоугодная жена.

Когда крестового похода
На Западе раздался клик,—
В пределах русского народа
Был натиск лют и гнет велик:
Страну губили печенеги,
Свирепых половцев орды,
И венгров буйные набеги,
И смуты княжеской вражды.

В те дни пошел к святому граду
Какой-то инок Даниил
За край родной зажечь лампаду
И помолиться Богу сил

И горячо монах безвестный
Молился, зная, за Русь свою,
Зане помог ей царь небесный
В тяжелом устоять бою.

Когда делили ваши рати
Труды святого короля,
Была восстать в спасенье братий
Не в силах Русская земля:
Тогда у нас пылали селы
И рушились города,
И вдоль пути, где шли монголы,
Лежала тел людских гряда.

С твердыни сбиты, киевляне
Тогда, столпясь в Господний храм,

Обрекшись гибели заране,
Сраженье продолжали там
И билися во имя Бога,
И был лишь битве их конец,
Когда, изрублен, у порога,
Крестясь, последний лег боец.

Но их молитв предсмертных слово
Взнеслось к зиждителю небес:
Послал на поле Куликово
Нам помощь он своих чудес:
Врагов несметных рушил силу,
И всемогущею рукой
Отверзший Лазаря могилу
Разбил ярем наш вековой.

Да, вас судьба дарила щедро!
Досель не тщетный звук для вас
Баярд, и Сид, и Сааведра,
И Барбаросса, и Дуглас.
Сердца народа согревая,
В них здесь глубоко вмещено
Одно лишь имя: Русь святая!
И не забудется оно.

Припоминая дни печали,
Татар и печенегов бич,
Мы сами ведаем едва ли,
Кто был Евпатий и Претич.
Мы говорили в дни Батыя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
И гибнут наши имена!

Да, можете сказать вы гордо,
Что спросит путник не один
Дорогу к улице Стратфорда,
Где жил перчаточника сын,
Что, на Ромео иль Макбета
Смотря с толпой вельмож своих,
Надменная Елисавета

Шекспира повторяла стих.

Нас волновала в ту минуту
Не прелесть вымыслов его;
Иную зрели мы картину,
Иное речи торжество:
Пока, блестящая багряно,
В пожаре рушилась Москва,—
Смирjali Грозного Ивана
Монаха смелые слова.

Была пора, когда ждал снова
Беды и гибели народ,
Пора Прокофья Ляпунова,
Другой двенадцатый наш год:
И сил у нас нашлось много
Порою той, был час велик,
Когда, призвав на помощь Бога,
Спасал Россию гуртовщик

Когда, распавшею громадой,
Без средств, без рати, без царя,
Страна держалась оградой
Единого монастыря,
И, с властью тягаясь злою,
Здесь сокрушали края плен
Пожарский — доблестной борьбою,
Святою смертью — Ермоген.

И здесь же, овладев полсветом,
Ваш смелый временщик побед
Стоял, смутясь, на месте этом
Тому назад лишь двадцать лет
Здесь понял грозный воевода,
Что ни насилье, ни картечь
Не сладят с жизнью народа,
Что духа не сражает меч!

Во времена веселий шумных
Версальских золотых палат
Был полон Кремль стенаньем чумных,

Ревел в нем бунт и бил набат.
Но, нашу Русь не покидая,
В те дни Всевышнего покров
Спасал дитя для славы края
И от чумы, и от стрельцов.

И юный царь дивил на троне
Не блеском ваши все дворы:
Покуда в вашем Вавилоне
Шли богомерзкие пиры
Неутомимо и упрямо
Работал он за свой народ
И в бедной мастерской Сардама
Сколачивал свой первый бот.

И в ваши пронеслись владенья
Удары молотка его,
И будут помнить поколенья,
Царя-гиганта мастерство.
Уж восстают молвы глухие
Кичливых западных держав,
Уж ненавистна им Россия,
И близок, может, час расправ!

Для прежних подданных татарских
Настанет день, придет пора,
Когда из уст услышим царских
Мы зов пустытника Петра!
Поднимет веры он в опору
Святою силою народ,
И мы к Софийскому собору
Свершим крестовый свой поход.

Вы тоже встанете,— не с нами:
Христовых воинов сыны
Пойдут на нас под бунчуками
В рядах защитников Луны;
И предков славу и смиренья
Переживет потомков грех:
Постыдно будет им паденье,

Постыдней ратный их успех!

И мы, теснимые жестоко
Напором злым со всех сторон,
Одни без лжи и без упрека,
Среди завистливых племен,
На Бога правды уповая,
Под сению его щита,
Пойдем на бой, как в дни Мамаю,
Одни с хоругвию креста!..

Он смолк. Сиял весь град стоглавый
С Кремлем торжественным своим,
Как озарен небесной славой,
В лучах вечерних перед ним.
Взглянул он вдохновенным взором
На прежнее сельцо Москов,
И залилися медным хором
Кругом все сорок сороков.

Каролина Павлова

Мы современницы, графиня

Мы современницы, графиня,
Мы обе дочери Москвы;
Тех юных дней, сует рабыня,
Ведь не забыли же и вы!

Нас Байрона живила слава
И Пушкина изустный стих;
Да, лет одних почти мы, право,
Зато призваний не одних.

Люблю Москвы я мир и стужу,
В тиши свершаю скромный труд,
И отдаю я просто мужу

Свои стихи на строгий суд.

Вы в Петербурге, в шумной доле
Себе живите без преград,
Вы переноситесь по воле
Из края в край, из града в град;

Красавица и жорж-зандистка,
Вам петь не для Москвы-реки,
И вам, свободная артистка,
Никто не вычеркнул строки.

Мой быт иной: живу я дома,
В пределе тесном и родном,
Мне и чужбина незнакома,
И Петербург мне незнаком.

По всем столицам разных наций
Досель не прогулялась я,
Не требую эмансипации
И самовольного житья.

Каролина Павлова

Москва

День тихих грез, день серый и печальный;
На небе туч ненастливая мгла,
И в воздухе звон переливно-дальный,
Московский звон во все колокола.

И, вызванный мечтою самовластной,
Припомнился нежданно в этот час
Мне час другой, — тогда был вечер ясный,
И на коне я по полям неслась.

Быстрее! быстрее! и, у стремнины края
Остановив послушного коня,

Взглянула я в простор долин: пылая,
Касалось их уже светило дня.

И город там палатный и соборный,
Раскинувшись широко в ширине,
Блистал внизу, как бы нерукотворный,
И что-то вдруг проснулось во мне.

Москва! Москва! что в звуке этом?
Какой отзыв сердечный в нем?
Зачем так сроден он с поэтом?
Так властен он над мужиком?

Зачем сдается, что пред нами
В тебе вся Русь нас ждет любя?
Зачем блестящими глазами,
Москва, смотрю я на тебя?

Твои дворцы стоят унылы,
Твой блеск угас, твой глас утих,
И нет в тебе ни светской силы,
Ни громких дел, ни благ земных.

Какие ж тайные понятия
Так в сердце русском залегли,
Что простираются объятья,
Когда белеешь ты вдали?

Москва! в дни страха и печали
Храня священную любовь,
Недаром за тебя же дали
Мы нашу жизнь, мы нашу кровь.

Недаром в битве исполинской
Пришел народ сложить главу
И пал в равнине Бородинской,
Сказав: «Помилуй, бог, Москву!»

Благое было это семя,
Оно несет свой пышный цвет,
И сбережет младое племя

Отцовский дар, любви завет.

Каролина Павлова

Весна

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Где вечер пуст, как прерванный рассказ,
Оставленный звездой без продолженья
К недоумению тысяч шумных глаз,
Бездонных и лишенных выраженья.

Борис Пастернак

Седая роза

Ночь. И снег валится.
Спит Москва... А я...
Ох, как мне не спится,
Любовь моя!

Ох, как ночью душно
Запевают кровь...
Слушай, слушай, слушай!
Моя любовь:

Серебро мороза
В лепестках твоих.
О, седая роза,

Тебе — мой стих!

Дышишь из-под снега,
Роза декабря,
Неутешной негой
Меня даря.

Я пою и плачу,
Плачу и пою,
Плачу, что утрачу
Розу мою!

София Парнок

Былое нельзя воротить

Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем,
у каждой эпохи свои подрастают леса...
А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем
поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа.

Теперь нам не надо по улицам мыкаться ощупью.
Машины нас ждут, и ракеты уносят нас вдаль...
А все-таки жаль, что в Москве больше нету извозчиков,
хотя б одного, и не будет отныне... А жаль.

Я кланяюсь низко познания морю безбрежному,
разумный свой век, многоопытный век свой любя...
А все-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему
и мы до сих пор все холопами числим себя.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
мы все обрели: и надежную пристань, и свет...
А все-таки жаль — иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед.

Москва, ты не веришь слезам — это время проверило.
Железное мужество, сила и стойкость во всем...

Но если бы ты в наши слезы однажды поверила,
ни нам, ни тебе не пришлось бы грустить о былом.

Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу.
И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается...
Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет.

Булат Окуджава

Арбатский дворик

...А годы проходят, как песни.
Иначе на мир я гляжу.
Во дворике этом мне тесно,
и я из него ухожу.

Ни почестей и ни богатства
для дальних дорог не прошу,
но маленький дворик арбатский
с собой уношу, уношу.

В мешке вещевом и заплечном
лежит в уголке небольшой,
не слывший, как я, безупречным
тот двор с человеческой душой.

Сильнее я с ним и добрее.
Что нужно еще? Ничего.
Я руки озябшие грею
о теплые камни его.

Булат Окуджава

Полночный троллейбус

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры — матросы твои —
приходят
на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком стучала в виске,
стихает,
стихает.

Булат Окуджава

Песенка об Арбате

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат,

ты — мое призвание.
Ты — и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои — люди невеликие,
каблуками стучат — по делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат,

ты — моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.

От любви твоей вовсе не излечишься,
сорок тысяч других мостовых любя.
Ах, Арбат, мой Арбат,

ты — мое отечество,
никогда до конца не пройти тебя.

Булат Окуджава

Но вот уж близко

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!

Как много в нем отозвалось!

Отрывок из [поэмы Пушкина Евгений Онегин](#).

Александр Пушкин

Красные ворота

Автомшины,
Мчась к воротам Красным,
Чуть замедляют бег для разворота,
Полны воспоминанием неясным,
Что тут стояли Красные ворота.

Троллейбус,
Пререкаясь с проводами,
Идет путем как будто вовсе новым,
И как раскаты грома над садами,
Несется дальний рокот по Садовым.

И вот тогда
С обрыва тротуара
При разноцветном знаке светофора
Возвышенность всего земного шара
Внезапно открывается для взора.

И светлая
Высотная громада
Всплывает над возвышенностью этой
Воздушным камнем белого фасада,
Как над чертою горизонта где-то.

Земного шара
Выпуклость тугая
Вздывается в упругости гудрона.
Машины, это место огибаая,
Из полумрака смотрят удивленно.

А город
Щурит искристые очи,
Не удивляясь и прекрасно зная,
Что с Красной площади еще гораздо четче
Она
Видна —
Возвышенность земная!

Леонид Мартынов

На розвальнях, уложенных соломой

На розвальнях, уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.

А в Угличе играют дети в бабки
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улицам меня везут без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.

Не три свечи горели, а три встречи —
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече —
И никогда он Рима не любил.

Ныряли сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ.
Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот.

Сырая даль от птичьих стай чернела,
И связанные руки затекли;
Царевича везут, немеет страшно тело —
И рыжую солому подожгли.

Осип Мандельштам

Да, я лежу в земле, губами шевеля

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:

На Красной площади всего круглей земля,
И скат ее твердеет добровольный,

На Красной площади земля всего круглей,

И скат ее нечаянно-раздольный,

Откидываясь вниз — до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

Осип Манделъштам

Москва в Норвегии

Облаков колорит
О зиме говорит.
Пахнет влагой и хвоей,
Как у нас под Москвою.
Мох лежит под сосной,
Как у нас под Москвой.
Все как дома,
И очень знакомо.
Только воздух не тот,
Атмосфера не та,
И от этого люди другие,
Только люди не те, что у нас,
И на вас
Не похожи, мои дорогие.
Дорогие друзья, я писала не раз,
Что разлука — большая обуза.
Что разлука — змея.
И действительно, я
Не должна уезжать из Союза.
За границей легко только первые дни,
В магазине прилавок наряжен.
(До чего хороши
Эти карандаши,
Эти перья и эти тетради!)
А какие здесь есть города! Например,
Старый Берген, который недаром
(Это скажет вам каждый порядочный гид)
Знаменит

Своим рыбным базаром.
Голубая макрель, золотая треска
На холодном рассвете багровом.
Я взглянула на рыбу —
И в сердце тоска
Вдруг впилась мне крючком рыболовным.
Я припомнила ясно: в корзине, в ведре ль,
Распластав плавников острия,
Та же белая в синих полосках макрель,
Только звали ее «скумбрия».
И какая чудесная юность была
В те часы на песке под горой!
И какая огромная жизнь пролегла
Между этой и той скумбрией!
И печаль об исчезнувшей прелести дней
Полоснула меня, как ножом.
И подумала я: «Ничего нет грустней
Одиночества за рубежом».
Только вижу: у рыбного ряда стоит,
Упершись рукавицей в бедро,
В сапогах и брезенте, назад козырек,
Ну, точь-в-точь паренек
Из метро.
Я невольно воскликнула: «Ах ты,
Из какой это вылез он шахты?»
Он ко мне по-норвежски (а я ни гугу),
По-иному он, вижу, не слишком.
Неужели же, думаю, я не смогу
Побеседовать с этим парнишкой?
И, доставши блокнот, так, чтоб он увидал.
На прилавке под рыбным навесом
Я рисую родимого моря овал
И пишу по-латински «Odessa».
И тогда паренек на чужом берегу
Улыбается мне, как рыбак рыбаку.
Паренек улыбается мне от души,
Он берет у меня карандаш.
(До чего хороши
Эти карандаши,
Если держит их кто-нибудь наш!)

Он выводит знакомое слово «Moskwa».
И от этого слова — лучи.
(До чего хорошо, что иные слова
Даже в дальних краях горячи!)
Он приветствует в эту минуту Союз,
Он глядит хорошо и всерьез.
И, содрав рукавицу и сбросив картуз,
Он трясет мою руку до слез.
Хорошо, что на грусть мы теряем права
И что, как бы он ни был далек,
Человек с удивительным словом «Москва»
Не бывает нигде одинок.

Вера Инбер

Москва

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посадки и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах;
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку

Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой твоей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Федор Глинка

Семь холмов

Из цикла «Стихи о Москве»

Семь холмов — как семь колоколов!
На семи колоколах — колокольни.
Всех счётом — сорок сороков.

Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом — пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землёй московскою!

Марина Цветаева

Я знал тебя, Москва

Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной,
Когда кругом пруда реки Неглинной, где
Теперь разводят сквер, лежал пустырь огромный,
И утки вольные жизнь тешили в воде;

Когда поблизости гремели балаганы
Бессвязной музыкой, и ряд больших картин
Пред ними — рисовал таинственные страны,
Покой гренландских льдов, Алжира знойный сплин;

Когда на улице звон двухэтажных конок
Был мелодичней, чем колес жестокий треск,
И лампы в фонарях дивились, как спросонок,
На газовый рожок, как на небесный блеск;

Когда еще был жив тот «город», где героев
Островский выбирал: мир скученных домов,

Промозглых, сумрачных, сырых, — какой-то Ноев
Ковчег, вмещающий все образы скотов.

Но изменилось всё! Ты стала, в буйстве злобы,
Всё сокрушать, спеша очиститься от скверн,
На месте флигельков восстали небоскребы,
И всюду запестрел бесстыдный стиль — модерн...

Валерий Брюсов

У Кремля

По снегу тень — зубцы и башни;
Кремль скрыл меня — орел крылом.
Но город-миф — мой мир домашний,
Мой кров, когда вне — бурелом.

С асфальтов Шпре, с Понтийских топей,
С камней, где докер к Темзе пал,
Из чащ чудес — земных утопий,—
Где глух Гоанго, нем Непал,

С лент мертвых рек Месопотамий,
Где солнце жжет людей, дремля,
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!

Там — ждут, те — в гневе, трепет — с теми;
Гул над землей метет молва...
И — зов над стоном, светоч в темень,—
С земли до звезд встает Москва!

А я, гость лет, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я.
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах — моя.

Здесь полнит память все шаги мне,

Здесь, в чуде, я — абориген,
И я храним, звук в чьем-то гимне,
Москва! в дыму твоих легенд!

Валерий Брюсов

Парки в Москве

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То — народными пирожницами,
То — крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади,- мне сказывали,-
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель:

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

Валерий Брюсов

Ночью (Дремлет Москва)

Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея — беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы — стервятники.

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос близкого к жизни возмездия.
Встанешь, глядишь... а они все кружат над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

Валерий Брюсов

Москва

Дума

День гас, как в волны погружались
В туман окрестные поля,
Лишь храмы гордо возвышались
Из стен зубчатого Кремля.

Одета ризой вековою,
Воспоминания полна,
Явилась там передо мною
Страны родимой старина.
Когда над Русью тяготело
Иноплеменное ярмо
И рабство резко впечатлело
Свое постыдное клеймо,
Когда в ней распри возникали,
Князья, забыв и род и сан,
Престолы данью покупали,
В Москве явился Иоанн.
Потомок мудрый Ярослава
Крамом порывы обуздал,
И под единою державой
Колосс распавшийся восстал,
Соединенная Россия,
Изведав бедствия оков
Неотразимого Батыя,
Восстала грозно на врагов.
Почуя близкое паденье,
К востоку хлынули орды,
И их кровавые следы
Нешадно смыло истребленье.
Потом и Грозный, страшный в брани,
Надменный Новгород смирил
И за твердынями Казани
Татар враждебных покорил.
Но, жребий царства устроая,
Владыка грозный перешел
От мира в вечность, оставляя
Младенцу-сыну свой престол;
А с ним, в чаду злоумышлений
Бояр, умолк закона глас —
И, жертва тайных ухищрений,
Младенец царственный угас.
Тогда, под маскою смиренья
Прикрыв обдуманый свой ков,
Взошел стезею преступления
На трон московский Годунов.

Но власть, добытая коварством,
Шатка, непрочен чуждый трон,
Когда, поставленный над царством,
Попран наследия закон;
Борис под сению державной
Недолго бурю отклонял:
Венец, похищенный бесславно,
С главы развенчанной упал...
Тень убиенного явилась
В нетленном саване молвы —
И кровь ручьями заструилась
По стогнам страждущей Москвы,
И снова ужас безналичий
Витал над русской землей,-
И снова царству угрожали
Крамолы бранною бедой.
Как божий гнев, без укоризны
Народ все бедствия сносил
И о спасении отчизны
Творца безропотно молил,
И не напрасно,- провиденье,
Источник вечного добра,
Из праха падших возроденье
Явило в образе Петра.
Посланник боговдохновенный,
Всевышней благости завет,
Могучей волей облеченный,
Великий рек: да будет свет
В стране моей,- и Русь прозрела;
В ряду его великих дел
Звезда счастливая блестела —
И мрак невежества редел.
По мановенью исполина,
Кругом — на суше и морях —
Обстала стройная дружина,
Неотразимая в боях,
И, оперенные громами,
Орлы полночные взвились,-
И звуки грома меж строями
В подлунной славой раздались.

Так царство русское восстало!
Так провиденье, средь борьбы
Со мглою света, совершало
Законы тайные судьбы!
Так, славу Руси охраняя,
Творец миров, зиждитель сил
Бразды державные вручил
Деснице мощной Николая!
Престольный град! так я читал
Твои заветные преданья
И незабвенные деянья
Благоговейно созерцал!

Владимир Бенедиктов

Москва на взморье

Взметни скорей булавою,
затейница русских лет,
над глупою головою,
в которой веселья нет.

Ты звонкие узы ковала
вкруг страшного слова «умрем».
А музыка — ликовала
во взорванном сердце моем.

Измята твоих полей лень,
за клетью пустеет клеть,
и росный ладан молелен
рассыпан по небу тлеть,

Яркоголовая правда,
ступи же кривде на лоб,
чтоб пред наступающим завтра
упало вчера — холоп!

Чтоб, в облаках еще пенясь,

истаяла б там тоска!
Чтоб город, морей отщепенец,
обрушился в волн раскат!

Над этой широкой солью,
над болью груженных барж —
лишь бровь шевельни соболью —
раздастся северный марш.

Взмахни ж пустыми очами,
в которых выжжена жуть,-
я здесь морскими ночами
хожу и тобой грожу!

Николай Асеев

Стансы

Стрелецкая луна, Замоскворечье, ночь.
Как крестный ход идут часы Страстной недели.
Мне снится страшный сон — неужто
Никто, никто, никто не может мне помочь?

В Кремле не надо жить — Преображенец прав
Там древней ярости еще кишат микробы:
Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь — взамен народных прав.

Анна Ахматова

С самолета

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров

Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
Я знала: это все мое —
Душа моя и тело.

Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
Дома, дома — ужели дома!
Как все ново и как знакомо,
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

Анна Ахматова

Москва перед Пасхой

До светлой Пасхи остается две недели;
Уже деревья и кусты зазеленели,
Горят на солнце купола церквей,
Москва вся светится от теплых, ясных дней.

Зеленые, золотые, голубые,
Такие древние и все же молодые,
На фоне распутившейся листвы,
Сияют купола моей Москвы.

Они так много видели и знают,
И с гордостью над прошлым возвышают
Свои четыре, три и пять голов

В преддверье праздничных колоколов.

Запахнет скоро куличом и пасхой,
Весна раскрасит город новой краской,
Московских улиц подчеркнув уют,
Колокола пасхальные пробьют.

Елена Оленина

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,

Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

Марина Цветаева

В Москве

Предо мной Иван Великий,
Предо мною — вся Москва.
Кремль-от, Кремль-от, погляди-ка!
Закружится голова.

Русской силой так и дышит...
Здесь лилась за веру кровь;
Сердце русское здесь слышит
И спасенье, и любовь.

Старине святой невольно
Поклоняется душа...
Ах, Москва, родная, больно
Ты мила и хороша!

Юлия Жадовская

В Москве

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город... Вот и март.
И холодно и низко в мезонине,
Немало крыс, но по ночам — чудесно.
Днем — ростепель, капли, греет солнце,
А ночью подморозит, станет чисто,
Светло — и так похоже на Москву,
Старинную, далекую. Усядусь,

Огня не зажигая, возле окон,
Облитых лунным светом, и смотрю
На сад, на звезды редкие... Как нежно
Весной ночное небо! Как спокойна
Луна весною! Теплятся, как свечи,
Кресты на древней церковке. Сквозь ветви
В глубоком небе ласково сияют,
Как золотые кованые шлемы,
Головки мелких куполов...

Иван Бунин

Стихи Москве

Мой взор мечтанья оросили:
Вновь – там, за башнями Кремля, –
Неподражаемой России
Незаменимая земля.

В ней и убогое богато,
Полны значенья пустячки:
Княгиня старая с Арбата
Читает Фета сквозь очки...

А вот, к уютной церковушке
Подъехав в щегольском «купе»,
Кокотка оделяет кружки,
Своя в тоскующей толпе...

И ты, вечерняя прогулка
На тройке вдоль Москвы-реки!
Гранатного ли переулка
Радушные особняки...

И там, в одном из них, где стайка
Мечтаний замедляет лёт,
Московским солнышком хозяйка

Растапливает «невский лед»...

Мечты! вы – странницы босые,
Идущие через поля, –
Неповергаемой России
Неизменяемая земля!

Игорь Северянин

Голос Красной площади

В радио
белой Европы
лезьте,
топот и ропот:
это
грозит Москва
мстить
за товарища
вам.
Слушайте
голос Рыкова —
народ его голос выковал —
стомиллионный народ
вам
«Берегись!»
орет.
В уши
наймита и барина
лезьте слова Бухарина.
Это
милльон партийцев
слился,
чтоб вам противиться.
Крой,
чтоб корона гудела,
рабоче-крестьянская двойка.

Закончим,
доделаем дело,
за которое —
пал Войков.

Владимир Маяковский

Утро в Москве

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро — как прелесть твоя.

Александр Блок

Москва в декабре

Снится городу:
Все,
Чем кишит,
Исключая шпионства,
Озаренная даль,
Как на сыплющееся пшено,
Из окрестностей пресни
Летит
На трехгорное солнце,
И купается в просе,
И просится

На полотно.

Солнце смотрит в бинокль
И прислушивается
К орудьям,
Круглый день на закате
И круглые дни на виду.
Прудовая заря
Достигает
До пояса людям,
И не выше груди
Баррикадные рампы во льду.

Беззаботные толпы
Снуют,
Как бульварные крали.
Сутки,
Круглые сутки
Работают
Поршни гульбы.
Ходят гибели ради
Глядеть пролетарского граля,
Шутят жизнью,
Смеются,
Шатают и валят столбы.

Вот отдельные сцены.
Аквариум.
Митинг.
О чем бы
Ни кричали внутри,
За сигарой сигару куря,
В вестибюле дуреет
Дружинник
С фитильною бомбой.
Трут во рту.
Он сосет эту дрянь,
Как запал фонаря.

И в чаду, за стеклом
Видит он:

Тротуар обезродел.
И еще видит он:
Расскакавшись
На снежном кругу,
Как с летящих ветвей,
Со стремян
И прямящихся седел,
Спешась, градом,
Как яблоки,
Прыгают
Куртки драгун.

На десятой сигаре,
Тряхнув театральной дверью,
Побледневший курильщик
Выходит
На воздух,
Во тьму.
Хорошо б отдышаться!
Бабах...
И — как лошади прерий —
Табуном,
Врассыпную —
И сразу легчает ему.

Шашки.
Бабы платки.
Бакенбарды и морды вогулок.
Густо бредят костры.
Ну и кашу мороз заварил!
Гулко ухает в фидлерцев
Пушкой
Машков переулок.
Полтора ста борцов
Против тьмы без числа и мерил.

После этого
Город
Пустеет дней на десять кряду.
Исчезает полиция.
Снег неисслежен и цел.

Кривизну мостовой
Выпрямляет
Прицел с баррикады.
Вымирает ходок
И редчает, как зубр, офицер.

Всюду груды вагонов,
Завещанных конною тягой.
Электрический ток
Только с год
Протянул провода.
Но и этот, поныне
Судящийся с далью сутяга,
Для борьбы
Всю как есть
Отдает свою сеть без суда.

Десять дней, как палят
По миусским конюшням
Бутырки.
Здесь сжились с трескотней,
И в четверг,
Как смолкает пальба,
Взоры всех
Устремляются
Кверху,
Как к куполу цирка:
Небо в слухах,
В трапециях сети,
В трамвайных столбах.

Их — что туч.
Все черно.
Говорят о конце обороны.
Обыватель устал.
Неминуемо будет праветь.
“Мин и Риман”, —
Гремят
На заре
Переметы перрона,
И семеновский полк

Переводят на брестскую ветвь.

Значит, крышка?

Шабаш?

Это после боев, караулов

Ночью, стужей трескучей,

С винчестерами, вшестером?..

Перед ними бежал

И подошвы лизал

Переулок.

Рядом сад холодел,

Шелестя ледяным серебром.

Но пора и собираться.

Смеркается.

Крепнет осада.

В обручах канонады

Сараи, как кольца, горят.

Как воронье гнездо,

Под деревья горящего сада

Сносит крышу со склада,

Кружась,

Бесноватый снаряд.

Понесло дураков!

Это надо ведь выдумать:

В баню!

Переждать бы смекнули.

Добро, коли баня цела.

Сунься за дверь — содом.

Небо гонится с визгом кабаньим

За сдуревшей землей.

Топот, ад, голошенье котла.

В свете зарева

Наспех

У прохорова на кухне

Двое бороды бреют.

Но делу бритьем не помочь.

Точно мыло под кистью,

Пожар

Наплывает и пухнет.
Как от искры,
Пылает
От имени Минова ночь.

Все забилося в подвалы.
Крепиться нет сил.
По заводам
Темный ропот растет.
Белый флаг набивают на жердь.
Кто ж пойдет к кровопийце?
Известно кому, — коноводам!
Топот, взвизги кабаньи, —
На улице верная смерть.

Ад дымит позади.
Пуль не слышно.
Лишь вьюги порханье
Бороздит тишину.
Даже жутко без зарев и пуль.
Но дымится шоссе,
И из вихря —
Казачьи верхами.
Стой!
Распросы и обыск,
И вдаль улетает патруль.

Было утро.
Простор
Открывался бежавшим героям.
Пресня стлалась пластом,
И, как смятый грозой березняк,
Роем бабьих платков
Мыла
Выступы конного строя
И сдавала
Смирителям
Браунинги на простынях.

Борис Пастернак

Вид Москвы

О! как пуста, о! как мертва
Первопрестольная Москва!..
Ее напрасно украшают,
Ее напрасно наряжают...
Огромных зданий стройный вид,
Фонтаны, выдумка Востока,
Везде чугун, везде гранит,
Сады, мосты, объем широкий
Несметных улиц,- все блестит
Изящной роскошью, все ново,
Все жизни ждет, для ней готово...
Но жизни нет!.. Она мертва,
Первопрестольная Москва!
С домов боярских герб старинный
Пропал, исчез... и с каждым днем
Расчетливым покупщиком
В слепом неведение, невинно,
Стираются следы веков,
Следы событий позабытых,
Следы вельможей знаменитых,-
Обычай, нравы, дух отцов —
Все изменилось!.. Просвещение
И подражанье новизне
Уж водворили пресыщенье
На православной стороне.
Гостеприимство, хлебосољство,
Накрытый стол и настежь дверь
Преданьем стали... и теперь
Витийствует многоглагољство
На скучных сходбищах, взамен
Веселья русского. Все глухо,
Все тихо вдоль кремлевских стен,
В церквах, в соборах; и для слуха

В Москве отрада лишь одна
Высокой прелести полна:
Один глагол всегда священный,
Наследие былых времен,-
И как сердцам понятен он,
Понятен думе умиленной!
То вещей звук колоколов!..
То гул торжественно-чудесный,
Взлетающий до облаков,
Когда все сорок сороков
Взывают к благодати небесной!
Знакомый звон, любимый звон,
Москвы наследие святое,
Ты все былое, все родное
Напомнил мне!.. Ты сопряжен
Навек в моем воспоминанье
С годами детства моего,
С рождением пламенных мечтаний
В уме моем. Ты для него
Был первый вестник вдохновенья;
Ты в томный трепет, в упоенье
Меня вседневно приводил;
Ты поэтическое чувство
В ребенке чутком пробудил;
Ты страсть к гармонии, к искусству
Мне в душу пылкую вселил!..
И ныне, гостьей отчужденной
Когда в Москву вернулась я,-
Ты вновь приветствуешь меня
Своею песнию священной,
И лишь тобой еще жива
Осиротелая Москва!!!

Евдокия Ростопчина

Советская Москва

Все ж, наклонясь над пропастью,
В века заглянув, ты, учитель,
Не замрешь ли с возвышенной робостью,
И сердце не полней застучит ли?

Столетия спяют Фермопилами,
Зеркалами жгут Архимеда,
Восстают, хохоча, над стропилами
Notre-Dame безымянной химерой;

То чернеют ужасом Дантовым,
То Ариэлевой дрожат паутиной,
То стоят столбом адамантовым,
Где в огне Революции — гильотина.

Но глаза отврати: не заметишь ли
Тебе — тот же блеск, здесь и ныне?
Века свой бег не замедлили,
Над светами светы иные.

Если люди в бессменном плаваньи,
Им нужен маяк на мачте!
Москва вторично в пламени, —
Свет от англичан до команчей!

Валерий Брюсов

Стародавняя Москва

Нет тебе на свете равных,
Стародавняя Москва!
Блеском дней, вовеки славных,
Будешь ты всегда жива!

Град, что строил Долгорукий
Посреди глухих лесов,
Вознесли любовно внуки

Выше прочих городов!

Здесь Иван Васильич
Третий Иго рабства раздробил,
Здесь, за длинный ряд столетий,
Был источник наших сил.

Здесь нашла свою препону
Поляков надменных рать;
Здесь пришлось Наполеону
Зыбкость счастья разгадать.

Здесь как было, так и ныне –
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни
За кремлевскою стеной!

Здесь пути перекрестились
Ото всех шести морей,
Здесь великие учились –
Верить родине своей!

Расширяясь, возрастая,
Вся в дворцах и вся в садах,
Ты стоишь, Москва святая,
На своих семи холмах.

Ты стоишь, сияя златом
Необъятных куполов,
Над Востоком и Закатом
Зыбля зов колоколов!

Валерий Брюсов